

— Я не в обиде на тебя. В дворцовом быту свои строгие правила и порядки, я это понимаю. К счастью, сегодня ночью ты отправил А Сяня следить за водяными часами, и благодаря этому я смог вновь его увидеть!

— Благодарю Императора за милость, — осторожно переспросил евнух Ван. — Но что значит ваше «вновь»?

Неужели он говорит о той случайной встрече, когда они тайком выбрались из дворца? При воспоминании об их первом знакомстве за пределами столицы в глазах Лю Синя вспыхнули искры веселья. Разговорившись, он во всех подробностях принялся описывать те события, а закончив, от души рассмеялся.

Значит, они были знакомы давно, и между ними уже случалось нечто подобное! Евнух Ван был поражен. Неужели это воля небес? Неужели высшие силы заранее предопределили, что эти двое молодых людей должны встретиться именно так? Почему-то на сердце у него стало тревожно.

— Евнух Ван.

— Я здесь, мой повелитель!

— Отныне А Сянь будет прислуживать только мне и сопровождать меня при чтении. Я уже назначил его на должность советника, а завтра утром официально объявлю об этом указом. Больше не поручайте ему никакой тяжелой работы. И еще: если заметите, что кто-то проявляет к нему неуважение, немедленно докладывайте мне. Понял? — тон Лю Синя был предельно серьезным.

— Слушаюсь, мой повелитель, я все исполню! — «Отлично, теперь можно не бояться давления со стороны клана Ван», — подумал евнух. Однако в то же время его беспокоило столь чрезмерное благоволение императора, решившегося на столь беспрецедентное повышение для Дун Сяня.

— Кажется, Император очень дорожит А Сянем? — невзначай поинтересовался он.

— Ты прав, я очень к нему привязан! — при мысли о его непосредственности и чистой душе на лице Лю Синя вновь заиграла счастливая улыбка. — Ах, да! Тебе больше не нужно искать мне других компаньонов для чтения. Мне нужен только А Сянь, другие пустословы мне не нужны!

— Слушаюсь! — именно такого результата они с Евнухом Чэнем и добивались, приложив немало усилий.

После того как Император отошел ко сну, образ Дун Сяня с его пленительной улыбкой вновь возник перед его мысленным взором, заставляя сердце биться в бешеном ритме.

А Сянь, мой милый А Сянь, вспомнишь ли ты обо мне в своих снах сегодня ночью?

Чем больше он думал, тем отчетливее становился образ юноши, и сон никак не шел к нему. Лю Синь начал жалеть, что так легко отпустил его. «Мне следовало оставить его при себе. Я должен был его удержать», — раз за разом с горечью повторял он.

Твои одежды лазурны, мысли мои о тебе...

Твои подвески лазурны, память моя о тебе...

Что за вечер сегодня, что за случайная встреча?

Именно так чувствовал себя сейчас Лю Синь.

— А Сянь, тоскуешь ли ты обо мне так же, как я о тебе?

За окном уже брезжил рассвет, а Лю Синь все еще метался по постели, охваченный пылом, не в силах заснуть. Так нельзя. Нужно что-то придумать, чтобы А Сянь как можно чаще оставался рядом. Как же быть?

Внезапно в его голову пришла пугающая мысль, от которой он содрогнулся. «Нет! Нельзя! Я ни в коем случае не должен добиваться его такими низкими методами, ни в коем случае!» — отчаянно твердил он себе.

Но другой голос в глубине души продолжал нашептывать, разрушая его рассудок: «Не будь глупцом! Что плохого в том, чтобы обласкал любимого человека? Вспомни, это пристрастие передается еще со времен Гао-цзу Лю Бана! Взгляни: Гао-цзу благоволил Цзи Жу, император Хуэй-ди — Хун Жу, император Вэнь-ди — Дэн Туну, император У-ди — Хань Яню, а император Чэн-ди — Чжан Фану. Все это общеизвестные дела, и разве кто-то осуждал императоров?»

— Нет! Нельзя! А Сянь не такой, как они. Я не могу так с ним поступить! — Лю Синь отчаянно отгонял эти мысли. Однако, раз возникнув, эта идея пустила глубокие корни в его сердце и не желала исчезать.

На следующее утро весть о необычайном повышении Дун Сяня разнеслась по всему дворцу. Особенно разгневан тот самый знатный господин из рода Ван, который заглядывался на красоту Дун Сяня. Услышав новость, он сломя голову помчался к евнуху Вану.

— Отвечай мне, это правда, что Император назначил Дун Сяня советником? — лицо вельможи выражало крайнюю степень досады, словно у него отобрали что-то крайне ценное.

Евнух Ван усмехнулся про себя, но внешне сохранил скорбное и беспомощное выражение: — Господин, не гневайтесь. Это чистая правда. Прошу, простите меня!

— Как же так? Как Император мог увидеть Дун Сяня?! Это невозможно, если только...

— Указ императора! — не успел вельможа договорить, как снаружи раздался громогласный голос. — Где Дун Сянь? — вошедший евнух сразу перешел к делу.

Евнуху Вану пришлось позвать Дун Сяня. Увидев столь ослепительно прекрасного юношу, господин из рода Ван снова загорелся вожделением и уже было протянул к нему руки, но в этот момент гонец начал читать указ: — Именем Неба, император повелевает: советнику Дун Сяню с этого дня присвоить звание советника-цензора. Указ зачитан, принимай!

— Да здравствует Император!

— Господин Дун, прошу немедленно следовать за мной к Императору. Он ждет вас в Императорском кабинете! — подобострастно произнес гонец.

Вельможа, не солоно хлебавши, в ярости удалился, напоследок бросив со злобой: — Мерзавец! Ловко же ты устроился, нашел себе покровителя в лице Императора! Неудивительно, что он тебя так балует — семейная черта, ха!

Дун Сяня от возмущения бросило то в жар, то в холод. — Прошу вас, передайте Императору, чтобы он взял этот указ обратно. Скажите, что я не заслужил таких милостей и не могу их принять!

— Господин Дун, ни в коем случае! Проявлять такое упорство опасно, можно навлечь на себя беду! — в один голос воскликнули евнух Ван и гонец.

— Но... — Дун Сянь не был глуп и понимал серьезность ситуации, но унижения со стороны того господина были для него невыносимы.

— Господин Дун, прошу, следуйте за мной, Император ждет вас! Он наказал мне непременно привести вас. Прошу, не ставьте меня в трудное положение! — гонец умоляюще посмотрел на евнуха Вана.

Евнух Ван решил помочь: — А Сянь... то есть господин Дун, сходи к Императору, а там видно будет. Разговор с глазу на глаз поможет все уладить, да и евнуху Чжану нужно отчитаться.

— Евнух Ван, я... — Дун Сянь не мог допустить, чтобы из-за него страдали другие. — Хорошо, я пойду с евнухом Чжаном!

— Благодарю вас, господин Дун! — поспешно ответил гонец.

Увидев любимого, Лю Синь с сияющим лицом сошел с трона и бросился навстречу: — А Сянь, ты наконец пришел! Я так тебя ждал!

Древняя мудрость гласит: один день без встречи — словно три осени. Именно это сейчас чувствовал Лю Синь. Глядя на его восторженное лицо, Дун Сянь, еще недавно кипевший от гнева, не решился проявить грубость и лишь молчал. Заметив, что былая живость юноши исчезла, Лю Синь обеспокоенно сжал его руки: — Что случилось, А Сянь?

Дун Сянь долго молчал, прежде чем ответить: — Император, я прошу вас отменить указ о назначении меня советником-цензором!

— Почему?! Тебя не устраивает эта должность? Я могу дать тебе более высокий пост, лишь скажи, я исполню любое твоё желание! — взволнованно воскликнул Лю Синь.

Дун Сянь решительно прервал его: — Нет, Император! Я просто считаю, что не заслужил таких почестей. Вы уже сделали исключение, назначив меня советником, и я безмерно благодарен, но не смею желать большего.

— Я правитель этой страны, и кого хочу, того и назначаю! Если ты не принимаешь указ, значит, ни во что не ставишь меня как императора. Чем ты тогда отличаешься от тех подхалимов, что лишь угождают вдовствующей императрице? — Лю Синь вспыхнул.

«Я так щедр к нему, а он еще и капризничает!»

Дун Сянь поспешно опустился на колени: — У меня и в мыслях не было ничего подобного! Прошу, не гневайтесь. Я лишь боюсь, что из-за вашей чрезмерной милости ко мне у людей появятся дурные мысли. Прошу вас, вникните в мои слова!

Это была чистая правда. Лю Синь был глубоко тронут: — Поднимись скорее! Это я неправ, я погорячился!

Он не сдержался и, забыв о приличиях, обнял Дун Сяня, не желая отпускать.

— Не бойся сплетен, я сам со всем разберусь. Просто принимай должность и оставайся рядом со мной. Если ты будешь честно исполнять свой долг, кто посмеет осудить тебя или меня? —

убеждал он юношу.

Видя такое упорство, Дун Сянь понял, что спорить бесполезно: — Хорошо, я подчиняюсь. Но прошу вас, не осыпайте меня больше милостями без причины, я боюсь, что не смогу это вынести.

— Значит, ты больше не против моего решения? — Лю Синь сам удивился тому, как сильно это подняло ему настроение.

Что происходит? Если следовать законам, то за такую дерзость чиновника следовало разжаловать, уволить или вовсе казнить за неповиновение. Но сейчас он не чувствовал ни капли гнева.

— Император, отпустите меня, пожалуйста! — Дун Сянь все меньше понимал происходящее. Неужели у Императора есть странная привычка разговаривать с подданными в объятиях? Увы, Лю Синь тонул в океане собственного счастья и ничего не слышал.

В тот вечер Дун Сянь, как обычно, был вызван в кабинет для чтения. Лю Синь, пребывая в приподнятом настроении, велел принести вина и закусок, и они разговорились.

— Когда я возьму правление в свои руки, то непременно искореню роскошь и показуху, буду назначать только честных и талантливых людей, чтобы осчастливить народ! — слегка захмелев, Лю Синь делился своими планами.

Дун Сянь, который плохо переносил алкоголь, уже через кубок почувствовал, как сознание начинает путаться. — Император непременно исполнит свое желание. Я верю, что вы станете мудрым правителем!

— Тогда я сделаю тебя Великим маршалом, моим самым доверенным советником, чтобы мы вместе управляли Поднебесной! — Лю Синь произнес это от чистого сердца.

Дун Сянь почувствовал, как хмель становится сильнее. — В мире полно талантов, чей кругозор и способности куда шире моих. Император не должен делать поспешных выводов. Для меня будет высшей наградой просто всегда быть рядом и помогать вам в ваших трудах.

«Какой бескорыстный человек. Кто еще в этом мире может быть столь равнодушен к славе и богатству, думая только обо мне?» Теплая волна разлилась по сердцу Лю Синя, он был глубоко тронут.

— Выпей со мной еще! — он с обожанием смотрел на его покрасневшее от вина лицо, чувствуя, как внутри разгорается пламя страсти.

— Я больше не могу... — пробормотал Дун Сянь, пытаясь отказаться.

Но его смущение лишь подзадоривало Лю Синя. После уговоров Дун Сянь выпил еще кубок, и тут же комната завертелась перед его глазами. Он обмяк, и Лю Синь подхватил его, притянув к себе. — А Сянь, А Сянь, ты как?

Дун Сянь, уже потерявший сознание, пробормотал: — Ничего... просто хочу спать... — и уснул прямо на груди у Императора.

Лю Синь смотрел на него, охваченный огнем страсти. Он невольно коснулся губами его чуть приоткрытых губ. — А Сянь... — он больше не мог сдерживаться и начал целовать его мягкие щеки, прямой нос, высокий лоб, а затем, наконец, впился в его алые губы.

— М-м... — простонал Дун Сянь во сне.

На несколько секунд разум Лю Синя прояснился, но этот миг быстро прошел, сменившись неодолимым порывом. Он осторожно распахнул одежду юноши. С безграничной нежностью он целовал его нежную кожу, спускаясь от шеи к груди.

— Император... — Дун Сянь проснулся в панике, пытаясь отстраниться, но в состоянии опьянения он был бессилен против напора Лю Синя. — Не надо... Император...

К несчастью, ослепленный страстью Лю Синь уже ничего не слышал.

На рассвете, проснувшись в блаженном настроении, Лю Синь с удивлением обнаружил, что Дун Сяня рядом нет. — А Сянь?! — сон как рукой сняло, он вскочил с постели, кинувшись на поиски.

Когда он уже был готов впасть в отчаяние, Дун Сянь появился в дверях. — Докладываю Императору, мне нужно кое-что сказать! — его голос был сухим, а лицо — бледным и бесстрастным.

Лю Синь, сердце которого сжалось от жалости, бросился к нему, чтобы обнять, но Дун Сянь отпрянул, отказываясь от помощи.

— А Сянь? — Лю Синь заметил перемену в его поведении.

— Прошу Императора разрешить мне уйти в отставку и вернуться домой! — опустив голову, произнес Дун Сянь.

— Что?! — Лю Синь был ошеломлен. — Ты хочешь уйти от меня?!

Когда он попытался схватить его за руку, Дун Сянь в испуге отпрянул, словно раненая птица. — Не трогайте меня! — он отбежал на несколько шагов. — Я все сказал. Прощу, отпустите меня! — не дожидаясь ответа, он поспешно удалился.

— А Сянь, вернись! А Сянь! — Лю Синь бросился к дверям, но того уже и след простыл.

Спустя некоторое время он сдался и, вернувшись в покои, принялся обдумывать стратегию. — Я ни за что не позволю тебе уйти! Слышишь? Ты поймешь это, мой любимый! — он с силой ударил по столу, демонстрируя свою решимость.

Что бы ни случилось, он не позволит Дун Сяню покинуть его, особенно после прошлой ночи. Его одержимость стала лишь сильнее.

Евнух Ван по приказу Императора поспешил к Дун Сяню и застал его за сборами.

— Господин Дун! — не сдержался он.

Дун Сянь поднял на него глаза: — Евнух Ван, называйте меня лучше А Сянем. Я совсем не гожусь на роль важного господина.

Он продолжал собирать вещи, не останавливаясь. Глядя на его осунувшееся лицо, евнух почувствовал укол вины — то, чего он боялся, свершилось.

— Я только что от Императора, — с трудом начал он.

Дун Сянь лишь взглянул на него и равнодушно ответил: — О.

Евнуха охватило раскаяние. Всего за одну ночь жизнерадостный мальчик стал таким холодным и отчужденным. — Все это моя вина. Если бы я не отправил тебя тогда следить за часами, ничего бы не случилось...

Дун Сянь отложил вещи и подошел к нему: — Евнух Ван, не вините себя. Я ни в чем вас не обвиняю. Это не ваша вина, я сам во всем виноват... если бы тогда...

Воспоминания о боли прошлой ночи не дали ему договорить.

— А Сянь... — его доброта лишь усилила муки совести евнуха. — Ты действительно хочешь уйти

в отставку?

— Разве евнух Ван не согласен со мной? — это был единственный выход, который он видел.

Евнух вздохнул: — Метод-то хороший, да боюсь, тебе не удастся этого сделать.

— Неужели Император не разрешит?! — в голосе Дун Сяня прозвучало волнение.

Евнух положил тяжелые руки на его плечи: — А Сянь, послушай меня. Ты умен и сам понимаешь, что в нынешней ситуации Император не отпустит тебя.

— Что же мне делать?! Неужели мне придется делать вид, что ничего не случилось, и продолжать прислуживать ему? А если однажды он снова... — Дун Сянь не мог продолжать.

Он понимал, что Император не отступит, но лучшего пути придумать не мог. До сих пор он не мог смириться с тем, что произошло. Как бы он хотел, чтобы это было лишь кошмаром! Ведь ему так нравилось проводить время с Императором, беседуя о политике, о мудрецах прошлого... это была жизнь, о которой он мечтал.

— А Сянь, пойми, Император очень дорожит тобой, поэтому и... — евнух не мог подобрать слов.

— Даже если он дорожит мной, он не должен был... — Дун Сянь был крайне взволнован.

Евнух понимал его боль: — Император одинок. Вокруг него лишь люди, преданные вдовствующей императрице, а наложницы думают лишь о собственной выгоде. Он был потерян и подавлен, и встретив тебя — человека, которому он может доверять, — он не сдержался...

— Я все понимаю, евнух Ван, но я — мужчина. Как он мог... я не могу это принять! — с горечью выдохнул Дун Сянь.

— Я понимаю...

<http://bllate.org/book/21157/2144441>